

ТЕКСТ И ДИСКУРС: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Муратова Е. Ю.

Витебский государственный университет им. П. М. Машерова
Витебск, Республика Беларусь
mouratova@tut.by

Диапазон определений дискурса очень широк: сопоставление дискурса и текста, дискурса и речевого акта, дискурса и функционального стиля, дискурса и речевого жанра. В настоящее время стало широко употребительным использование понятия дискурс как совокупность похожих языковых приемов, объединенных общей темой описания: политический, религиозный, компьютерный дискурс. Мы в своей статье хотим рассмотреть термин дискурс в достаточно традиционном ключе: дискурс и текст, т.е. базируясь на взглядах М. Пеше, М. Фуко, П. Серио и др. французских ученых, рассматривавших дискурс как методологию анализа свертых смысловых образований, а анализ дискурса – как некоторый механизм, который устанавливает связь между языковой и социальной сферами.

Можно выделить два основных направления при определении термина дискурс: 1) рассмотрение этого понятия с точки зрения характера соотношения между текстом и дискурсом и 2) с точки зрения процессуальности дискурса и непроцессуальности текста.

Определение дискурса через текст имеет несколько аспектов.

Во-первых, как отмечают многие лингвисты, нечеткое определение термина «дискурс» привело к тому, что понятия текста и дискурса стали употребляться наравне, т.е. в качестве синонимов.

Во-вторых, наблюдается определение дискурса как родового понятия, а текста по отношению к нему как видового, т.е. дискурс – это текст плюс экстралингвистические факторы, или, как пишет Шейгал, «дискурс = текст + контекст» [1, с. 19]. В. И. Карасик определяет дискурс как «текст, погруженный в ситуацию общения» [2, 239]. Похожее понимание дискурса находим у Ю.Н. Караулова и Е.С. Кубряковой: дискурс – это «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [3, с.8].

Приведем примеры появления новых смыслов в поэтических текстах, «погруженных в жизнь»: 1. *Победу пели наши склянки, / но отвоеванный наш Крым / презентовал Хрущев по пьянке / собратьям нашим дорогим* (А. Вознесенский). 2. *Когда на полке банный лист липучий / прилип клеймом Бурбулису ко лбу. / Кто право дал / им, в Беловежской пуще / решать в парилке / всей страны судьбу?* (Е. Евтушенко).

Очень многие поэтические тексты требуют специального дискурсивного анализа. Например, строки Марины Цветаевой: *И сейчас уже Шаратоны / Не вмещают российских тоск. / Мрем от них. Под шинелью драной – / Мрем, наган, наставляя в бред...* и читателю, и даже исследователю, без такого анализа непонятны. Что такое *Шаратоны*, почему они не вмещают даже не тоску, а *тоски*? Почему *наган наставляется в бред*? Но если знать экстралингвистические факторы, в которые «погружен» данный текст, а именно, что Шаратон – больница для душевнобольных вблизи Парижа, то становится понятным, почему наган наставляется в бред. С названием Шаратон больница для душевнобольных во Франции одна, но много других, аналогичных, которые не только русскую тоску, но даже тоски не могут вместить.

В-третьих: дискурс и текст являются равноположенными явлениями.

В-четвертых, наблюдаются разнообразные иные (не родо-видовые и не равноположенные) взаимоотношения между текстом и дискурсом, причем часто с акцентом на ментальные, когнитивные, речемыслительные процессы. Особую роль при данном подходе играют дискурсивные элементы, совершенно неизвестные иным социумам. Например, у Б. Ахмадулиной: *Верней, лучинушки-лучины / не добыла, в сарай вошед... / Немногого недоставало, / чтоб стала жизнь моя красна, веретено мое сновало, / свисала до полу коса. / А там, в рубахе кумачовой, а там, у белого куста... / Ни-ни! Брусникою моченой / прилежно заняты уста.*

В некоторых исследованиях прослеживается тенденция к противопоставлению текста и дискурса по ряду оппозитивных критериев: *структурность / функциональность, продукт / процесс, статичность / динамичность, виртуальность / актуальность*. В модусе таких взглядов дискурс в первую очередь понимается как деятельность: граница между текстом и дискурсом находится на линии процессуальность дискурса / непроцессуальность текста.

Таким образом, при понимании *дискурса как процесса* он обретает специфические черты как коммуникативное событие и как социальная деятельность, реализующая различные аспекты внутреннего мира языковой личности. При рассмотрении *дискурса в его отношении к тексту* представляется наиболее убедительной точка зрения на дискурс как на сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, экстралингвистические факторы, устанавливающее связь между миром и языковой личностью с ее национальными, культурными, языковыми особенностями.

Литература

1. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Дисс. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2002.

3. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.